

АНДРЕЙ ФАУСТОВ, СЕРГЕЙ САВИНКОВ

«ВЫПРЯМИТЕЛЬНЫЙ ВЗДОХ»

О ВЛАДИСЛАВЕ АНАТОЛЬЕВИЧЕ СВИТЕЛЬСКОМ

15 февраля 2020 года пронизательному исследователю Достоевского и Андрея Платонова профессору Воронежского университета Владиславу Анатольевичу Свительскому исполнилось бы 80 лет. По нынешним (даже российским) меркам «до патриарха» был бы еще некоторый запас времени. Но все сложилось иначе. 11 марта 2005 года Владислав Анатольевич умер после тяжелой болезни, которую стоически пытался оспаривать: читал лекции, продолжал ездить на конференции, обдумывал статьи, готовил к выпуску очередной том «Филологических записок», в последние мучительные дни, когда сам уже писать не мог, надиктовал напутственную записку для своей дипломницы.

С тех пор прошло полтора десятка лет. Многие незаметно переменилось вокруг до неузнаваемости, переменились и мы сами, и теперь, отсюда, те как будто сравнительно недавние, но резко отодвинувшиеся от нас десятилетия воспринимаются почти как век героев, «век богатырей» (как некогда по другому, но схожему случаю написал Денис Давыдов). Владислав Анатольевич принадлежал к поколению поздних шестидесятников, у которых уже не было больших социальных иллюзий и которым выпало взрослеть в глухие времена. Чтобы оставаться собой, нужно было сопротивляться душному давлению эпохи, тем более если ты выбрал профессию литературоведа, которая была под пристальным наблюдением разных заинтересованных инстанций и должна была существовать в отведенных ей пределах дозволенного. Недаром 90-е годы Свительский потом так и назовет – эпохой «с освобожденным дыханием».

Владислав Анатольевич не был диссидентом в жизни – он был диссидентом в науке, в том, о чем и как писал. Здесь была сосредоточена та внутренняя работа, которая давала ему ощущение независимо-

сти и вела к обретению своего собственного голоса, к освобождению от навязываемых и не располагающих к дискуссиям советов, как нужно правильно думать. Достаточно сравнить ранние, опубликованные еще в студенческую пору статьи первой половины 60-х годов и статьи о Достоевском конца 60-х, а затем и фундаментальную кандидатскую диссертацию о Достоевском 1971 года (в первой редакции это был 600-страничный труд), чтобы убедиться в том, какой путь за это небольшое время был пройден. Разумеется, не случаен был и сам выбор в главные герои Достоевского, с присущим ему повышенным персонализмом и статусом писателя не запрещенного, но и не слишком приветствуемого в официальной филологии.

В те же годы другим главным автором в судьбе Владислава Анатольевича станет Платонов, чье место в поднадзорной истории русской литературы было для бдительных глаз еще более сомнительным. В 1968 году в Воронеже должна была состояться первая конференция, посвященная Платонову, которую в последний момент так и не разрешат. Но в 1970-м удастся все-таки издать сборник о творчестве писателя. И в этом сборнике выйдет статья Владислава Анатольевича с уже очень характерным для его научного лексикона, вполне «свительским» названием «Конкретное и отвлеченное в мышлении Платонова-художника». Известный гоголевед (а тогда студент Саратовского – далеко не самого заштатного – университета) В. Ш. Кривонос так опишет свои впечатления от поразившей его статьи: «Мы к этому времени прослушали курс истории советской литературы, где имя А. Платонова не упоминалось, а тон разговора был вполне советским. *Советские* лекции о *советских* писателях. А статья неведомого мне автора была такой *не советской* – и не только потому, что обходилась без привычных и обязатель-

Владислав Анатольевич
Свительский
(1940–2005)

ных цитат. Неожиданной была именно глубина статьи, трактовавшей о проблемах человеческого бытия и соединявшей А. Платонова с Достоевским».

Учеными, в наибольшей степени повлиявшими на научное (и не только) самоопределение Владислава Анатольевича, были, несомненно, М. М. Бахтин и Б. О. Корман, которые всегда оставались для него воображаемыми собеседниками, участниками мысленного диалога и фигурантами его работ. Имя Бахтина в особых комментариях не нуждается. Благодаря дружбе с замечательным московским литературоведом С. Г. Бочаровым Владислав Анатольевич в 1971 году впервые лично встретился с Бахтиным, который сочувственно отнесся к суждениям своего гостя-аспиранта о Достоевском. О Борисе Осиповиче Кормане (1922–1983) для тех, кто не является филологом, нужно сказать, что он был создателем «теории автора», «системно-субъектного» метода анализа литературы – оригинальной отечественной версии в 60-е годы только складывавшейся нарратологии. В те годы Корман работал в Борисоглебском педагогическом институте, и Владислав Анатольевич познакомился с ученым в 1967 году на организованной Корманом и собравшей звездный состав участников легендарной конференции «Образ автора в художественной литературе». Со времени этого события они тесно общались, ученый был оппонентом на защите кандидатской диссертации Владислава Анатольевича (вторым оппонентом выступил как раз Бочаров), и разнообразные научные и человеческие контакты между ними не прекращались до трагически ранней смерти Кормана.

Если попробовать в нескольких словах, отбросив профессиональный жаргон, передать суть того, что значили идеи Бахтина и Кормана (сами по себе

разные и разномасштабные) для становления литературоведа Свительского, то ее можно свести к двум ключевым пунктам. Во-первых, это взгляд на литературу не как на упаковку для идеологии, а как на самоценный мир, живущий по своим особенным законам, которые филолог и должен изучать, полагаясь при этом не на интуицию, а на специальный научный инструментарий. Во-вторых, это внимание к автору, причем к автору не как к биографическому лицу, а как к художнику, чья активность в разных формах воплощается в литературном произведении. Ю. М. Лотман, имея в виду структурное изучение литературы, примерно в те же годы остроумно заметит, что такого рода подход должен предупреждать наивное школьное недоумение (отличающееся, добавим в скобках, удивительной живучестью): «Зачем автор упрятал „идею“, которая изложена в учебнике в одном параграфе, в толстый том „формы“?».

В разговоре с Бахтиным Владислав Анатольевич назвал себя «независимым бахтинянцем». Он был и таким же «независимым кормановцем». И это его двойное несогласие было связано прежде всего с пониманием фигуры автора. В знаменитой книге Бахтина о Достоевском всё выглядит так, как будто художник отказывается от львиной доли своих полномочий, отпуская созданный им, но принципиально незавершенный мир на свободу. У Кормана автор – носитель целостной концепции произведения – до такой степени растворяется в нем, что перестает восприниматься в качестве личного начала. Свительского не устраивало ни одно, ни другое. В письме к Корману 1970 года Владислав Анатольевич в виде вопросов обозначит то, что на все последующие годы станет лейтмотивом его размышлений о литературе: «Мои вопросы: что можете посоветовать?»

товать почитать по проблеме авторской оценки в произведении, есть ли что? И – что есть почитать по проблеме единства художественного мира внутри произведения?»

Как выяснится, почитать было почти нечего. Об этом придется написать. Тем основным, с чем будет впоследствии ассоциироваться вклад Свительского в литературоведение, и станет теория художественной оценки. В силу разных причин (и внешних, и внутренних) Владислав Анатольевич не торопился защитить докторскую диссертацию, выпустить «обобщающую» монографию (что для нашего светлого времени выглядит почти непостижимым). Только поддавшись на уговоры друзей и коллег, – тогда, когда он уже был признанным исследователем Достоевского (и не только Достоевского, но и его антипода Льва Толстого: статьи об «Анне Карениной» у ученого – из числа самых ярких), – Владислав Анатольевич в 1995 году защитит вторую свою диссертацию под красноречивым заглавием «Герой и его оценка в русской психологической прозе 60–70-х годов XIX в.». А итоговая (как оказалось) книга «Личность в мире ценностей. (Аксиология русской психологической прозы 1860–1870-х годов)» будет подготовлена к печати А. Б. Ботниковой и одним из авторов этих строк и опубликована лишь в 2005 году, уже после смерти ученого.

Магистральный тезис Свительского – представление об авторе как о том, кто сначала своим всеохватывающим художественным отношением обеспечивает единство литературного мира, но кто и потом, не посягая на право героя пережить опыт дарованной ему свободы, не уклоняется от вынесения своей оценки. «Активность автора становится активностью выраженной оценки», как сказано в одной из последних рабочих записей Владислава Анатольевича. Если пренебречь заветами «теории автора», за таким решительным переосмыслением идей Бахтина и Кормана можно уловить явственный личный темперамент творца этого тезиса. В предисловной статье Владислава Анатольевича к третьим «Кормановским чтениям» (1998) говорится о роли Б. О. Кормана в развитии литературной науки. И тот портрет ученого, который будет нарисован в этой статье, – во многом и автопортрет. Ограничимся лишь двумя цитатами: «Для того, чтобы осуществилось задуманное Борисом Осиповичем, нужна была уверенность, граничащая с самомнением, и необходимы были изначальная личностная значительность и гражданская смелость»; «...Корман был исполнен сосредоточенности на главном, на своем деле. Его не покидало сознание своей личной миссии, своего избранный жребия, так необходимое в России

и просветителю, и просто хорошему учителю, и вообще интеллигенту».

Действительно, такое сознание своей «личной миссии» и порождаемая им энергия мысли и поступка были свойственны Владиславу Анатольевичу с самого начала, но особенно интенсивно проявили себя в последние десять-пятнадцать лет жизни. За это время было сделано необыкновенно много, причем в самых разных областях. Перечислим лишь некоторое. Первым из всех деяний нужно назвать, пожалуй, «Филологические записки». В 1996 году, сменив на этом посту О. Г. Ласунского, Свительский возглавил редакцию вестника и с методичной самоотверженностью издавал по два выпуска в год, неизменно добиваясь того, что каждый номер производил впечатление тщательно подобранного единого целого, отличавшегося безупречным качеством. А за этим была еще и незримая для читательской публики работа. Будучи редактором с перфекционистскими наклонностями, Владислав Анатольевич стремился довести присланные рукописи до совершенства, порой превращаясь из редактора в невольного соавтора. Не менее важным было осуществлявшееся вместе с Ласунским и другими утверждение в воронежском филологическом и культурном пространстве имен Платонова и Мандельштама: проведение посвященных им конференций, издание научных сборников и сборников произведений писателей. Отдельно упомянем тут и книгу самого Владислава Анатольевича «Андрей Платонов вчера и сегодня» (1998). Без этих усилий не было бы много лет спустя и известного теперь на всю Россию «Платоновского фестиваля».

Кроме того, было еще и каждодневное: писание статей, участие в конференциях (в том числе в четырех симпозиумах Международного общества Достоевского: в Нью-Йорке (1998), японском Тиба (2000), Баден-Бадене (2001), Женеве (2004)), «пестование» (одно из словечек Владислава Анатольевича) своих студентов и аспирантов, работа в качестве ученого секретаря литературоведческого диссертационного совета и заместителя декана филологического факультета ВГУ по науке и т. д. Иногда возникало ощущение, что Владиславу Анатольевичу было тесно в его собственной телесной оболочке, что ему хотелось распространить себя на все вокруг, буквально поделиться собой с другими. И, конечно, нельзя забывать о столь органичной для Свительского еще со студенческих лет ипостаси публициста и полемиста, в которой, может быть, наиболее открыто выразился его научный и человеческий темперамент. Одна из поздних развернутых статей ученого о Достоевском, напечатанная в 2000 году в альманахе «Досто-

евский и мировая культура» и вызвавшая большой резонанс, характерно называлась «“Сбились мы, что делать нам!..” К сегодняшним прочтениям романа “Идиот”». В ней Владислав Анатольевич выступил в первую очередь против богословствующего литературоведения – против «новых духовных прокуроров» (как их назвал Бочаров), вершащих суд над героями Достоевского и снова насаждающих одно – единственно правильное – понимание творчества писателя.

В личности Владислава Анатольевича было, однако, и совсем другое, парадоксально контрастировавшее с такой его «политической» активностью. И в истолковании этого другого трудно избежать соблазна и не провести аналогии с тем, что художественная оценка, по Свительскому, зачастую воплощается в тексте не прямо, а косвенно, прикровенно. Университетский педагог и наставник Владислава Анатольевича, знаток Гофмана Алла Борисовна Ботникова, которую он почитал и с которой дружил до самой своей смерти, писала: «Он всегда производил впечатление человека закрытого. Радости не показывал, гнева или огорчения – тоже. Улыбался доброй улыбкой, всем своим видом демонстрируя сдержанное доброжелательство. Не уверена, что в полной мере кому-нибудь вообще открывался <...> В этой закрытости чувствовался до дна не просматриваемый и непростой характер, в котором сочетались упрямое самостояние, нежелание быстро соглашаться с собеседником, верность своим представлениям о людях, вещах и явлениях».

Один из авторов этой статьи – Сергей Савинков – вспоминает...

Мое достаточно неформальное общение с Владиславом Анатольевичем (а было это в конце 80-х) оказалось возможным благодаря случайному обстоятельству. В те времена преподаватели Воронежского педагогического института (Владислав Анатольевич проработал там немало – с 1973 по 1991 год) сопровождали студентов-выпускников до места их распределения. По долгу службы и Владиславу Анатольевичу нужно было это сделать. Узнав о том, что место назначения – Архангельск, я, тогда только начинающий преподаватель, напробился в компаньоны. Что помнится? Дорога длинная, тесное купе и поучительные разговоры о литературе и о жизни. И во всем этом была явная дистанцированность, маскирующаяся под опеку. Конечно же, иначе не могло

и быть: разный возраст, разный статус. Но было в этом и то, что можно определить как своеобразную форму закрытости. А такая закрытость у Владислава Анатольевича была: он очень тщательно оберегал от посторонних свое суверенное пространство.

Удивительно, но потом, как мне показалось, я имел возможность ненадолго увидеть Владислава Анатольевича другим – неожиданно открытым человеком. Это произошло тогда, когда, воспользовавшись возможностью, мы отправились в Холмогоры, на родину Ломоносова. Сначала мы плыли на теплоходе по широкой, как море, реке. Потом шли по дороге между распластавшимися полями навстречу зенитному солнцу. И когда в книге отзывов Владислав Анатольевич написал, что музей посетили ассистент и профессор, в шутку поменяв нас местами, произошло то, о чем я говорил: шуточная мена ролей (я – профессор, он – ассистент) и стала для меня знаком доверительной по отношению ко мне открытости. Мы снова много говорили о литературе и жизни, но теперь с его стороны я не ощущал никакой поучительности. Была глубина и тонкость. Владислав Анатольевич говорил о том, что мы с ним счастливые люди, поскольку великая литература – наше дело, страсть и судьба. А потом, когда на обратном пути мы переправлялись через реку на пароме, ощущение душевной близости было наиболее сильным.

В Воронеж, к сожалению, мы возвращались порознь. Он – через Ленинград (куда и меня звал с собой), а я – через Соловки (очень захотелось побывать и там)...

В воспоминаниях о Владиславе Анатольевиче часто мелькает слово «свет». И это символично: оно зашифровано в самой его фамилии. В романтическую эпоху героическую личность часто сравнивали с кометой, которая ярко вспыхивает и исчезает с небосклона судьбы, чтобы остаться в памяти тех, кто был свидетелем ее явления. Вообще, о свете было произнесено много утешительного, начиная с того света, который не объемлет тьма. Никак не обойтись здесь, конечно, и без старца Зосимы из «Братьев Карамазовых»: «...ибо не умрет свет твой, хотя бы и ты уже умер. Праведник отходит, а свет его остается». Но был и менее успокоительный взгляд, который выразил в одном из самых своих глубоких стихотворений Фет: «И тем ужасней сумрак ночи, Чем ярче светоч мой горит». Впрочем, не будь ночи, мы так ничего не узнали бы и о свете.